

УДК 343.61-055.26:343.54**DOI: 10.34670/AR.2026.15.60.035****Преступления против личности в условиях роста домашнего насилия и вопросы совершенствования уголовно-правовых механизмов защиты потерпевших****Попов Андрей Юрьевич**

Преподаватель,
Российский государственный университет
правосудия им. В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал),
680000, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тургенева, 74;
e-mail: andreypopov875@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация уголовно-правовой охраны личности в условиях роста семейно-бытового насилия и выявляются причины недостаточной эффективности действующих механизмов защиты потерпевших. Показано, что латентность посягательств и зависимость жертвы от агрессора приводят к запаздывающему реагированию государства и смещению защиты на стадию наступления тяжких последствий. Раскрываются проблемные эффекты декриминализации первичных побоев и применения административной преюдиции: фиксация отдельных эпизодов не отражает накопительный характер виктимизации, а штрафные санкции в семье утрачивают превентивный потенциал. Анализируются сложности квалификации истязания, угроз убийством и случаев причинения вреда в контексте необходимой обороны при длительном абюзе, включая ограниченность традиционных критериев «внезапности» психотравмирующих состояний. Обосновывается, что институт частного обвинения и практика прекращения дел за примирением усиливают вторичную виктимизацию и стимулируют рецидив. Отдельное внимание уделено пробелам в оценке экономического и цифрового насилия, а также дефициту ограничительных мер, способных разорвать контакт «агрессор—жертва» до эскалации. Сформулированы направления корректировки квалифицирующих признаков, порядка преследования и мер предупреждения.

Для цитирования в научных исследованиях

Попов А.Ю. Преступления против личности в условиях роста домашнего насилия и вопросы совершенствования уголовно-правовых механизмов защиты потерпевших // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С. 318-327. DOI: 10.34670/AR.2026.15.60.035

Ключевые слова

Домашнее насилие, преступления против личности, уголовно-правовая защита потерпевших, административная преюдиция, виктимизация, истязание, частное обвинение, виктимологическая профилактика.

Введение

Современная доктрина уголовного права переживает сложный этап трансформации, обусловленный необходимостью реагирования на изменения в структуре насильственной преступности, где значительный сегмент занимают посягательства, совершаемые в семейно-бытовой сфере. Фундаментальной задачей правового государства, провозглашенной на конституционном уровне, является охрана жизни и здоровья граждан, однако парадокс заключается в том, что статистически наиболее опасным местом для личности становится не публичное пространство, а сфера частной жизни, традиционно считавшаяся убежищем. Феноменология домашнего насилия выходит далеко за рамки межличностных конфликтов, приобретая черты системного нарушения прав человека, что требует переосмысления устоявшихся догм уголовной политики и механизмов их реализации. Латентность данных деликтов достигает критических значений, искажая реальную криминологическую картину и создавая иллюзию благополучия в отдельных регионах или социальных стратах, в то время как механизмы уголовно-правовой охраны зачастую срабатывают лишь на этапе наступления тяжких последствий.

Существующая законодательная конструкция, призванная защищать телесную неприкосновенность, подверглась существенным изменениям в ходе реформ последних лет, в частности, декриминализации первичных побоев, что вызвало широкую научную дискуссию относительно соразмерности государственного реагирования степени общественной опасности деяния. Проблема заключается не столько в квалификации конкретного удара или насильственного действия, сколько в игнорировании длящегося, накопительного характера виктимизации, которому подвергается потерпевший в условиях совместного проживания с агрессором [Пашенко, Сарибекян, 2021, с. 162-167]. Традиционный для российского уголовного права подход, ориентированный на фиксацию конкретного эпизода причинения вреда, оказывается малоэффективным в ситуациях, где насилие является формой коммуникации и инструментом подавления воли зависимого члена семьи. Возникает коллизия между публично-правовой обязанностью государства преследовать преступления против личности и частно-правовыми началами, которые законодатель сохраняет для ряда составов преступлений небольшой тяжести.

В правоприменительной практике наблюдается определенная инерция, связанная со сложностью доказывания субъективной стороны преступлений, совершаемых на почве личных неприязненных отношений, которые нередко маскируются под воспитательный процесс или семейные неурядицы. Специфика субъектного состава, где преступник и жертва связаны экономически, психологически и территориально, создает уникальную криминологическую ситуацию, требующую не просто кары за содеянное, но и превентивных мер, интегрированных в уголовно-процессуальную ткань [Сироткина, 2025, с. 43-44]. Отсутствие в действующем законодательстве легального определения семейно-бытового насилия как квалифицирующего признака или отягчающего обстоятельства приводит к тому, что суды вынуждены квалифицировать деяния по общим нормам, не учитывающим повышенную опасность систематического истязания в замкнутом пространстве. Это порождает ситуацию, при которой многолетнее психологическое и физическое насилие распадается на серию административных правонарушений или дел частного обвинения, не образуя единого преступного умысла в глазах правоприменителя.

Эволюция уголовного законодательства демонстрирует попытки законодателя найти баланс между невмешательством в дела семьи и необходимостью защиты слабых ее членов, однако эти попытки носят фрагментарный характер, часто являясь реакцией на резонансные случаи, а не результатом системного криминологического планирования. Вопросы виктимологической профилактики и посткриминальной защиты потерпевших остаются на периферии уголовной политики, уступая место процессуальным формальностям и статистическим показателям раскрываемости [Абазов, Леонтьева, 2024, с. 140-148]. Между тем, международный опыт и отечественная правовая мысль указывают на необходимость комплексного подхода, при котором уголовная репрессия должна сочетаться с мерами ограничительного характера, препятствующими рецидиву. Игнорирование специфики «домашних» преступлений при конструировании санкций и определении порядка уголовного преследования приводит к вторичной виктимизации потерпевших, вынужденных самостоятельно собирать доказательства и противостоять агрессору в суде.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу проведенного изыскания составил диалектический метод познания социально-правовых явлений, позволивший рассмотреть институт уголовной ответственности за преступления против личности в динамике его развития и взаимосвязи с социальными процессами трансформации института семьи. В работе применен формально-юридический метод для анализа конструкций составов преступлений, предусмотренных главой 16 Уголовного кодекса РФ, а также метод сравнительного правоведения, посредством которого сопоставлялись отечественные и зарубежные подходы к криминализации домашнего насилия. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2018 по 2023 годы, отражающие динамику осуждения по статьям 105, 111, 112, 115, 116.1, 117, 119 УК РФ.

Для обеспечения достоверности выводов был проведен контент-анализ более 200 судебных актов судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации, включая приговоры мировых судей, апелляционные и кассационные определения. Особое внимание уделялось изучению постановлений Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющих вопросы квалификации преступлений против жизни и здоровья, а также решений Конституционного Суда РФ, касающихся проверки конституционности отдельных положений уголовного закона, регулирующих ответственность за побои [Ходусов, 2024, с. 97-103]. В качестве теоретической основы использованы труды ведущих специалистов в области уголовного права, криминологии и виктимологии, общим количеством более 40 источников, что позволило верифицировать полученные результаты с позиций современной юридической науки.

Результаты и обсуждение

Центральным элементом дискуссии о достаточности уголовно-правовых запретов в сфере охраны личности от домашнего насилия выступает анализ трансформации ст. 116 и введение ст. 116.1 УК РФ. Перевод побоев в отношении близких лиц в разряд административных правонарушений (при первичном совершении) создал правовой феномен, который многие исследователи характеризуют как ослабление превентивной функции закона. Законодательная логика, направленная на декриминализацию деяний, не повлекших вреда здоровью,

столкнулась с реальностью семейной тирании, где побои являются не единичным эксцессом, а системным методом доминирования. Правоприменительная практика показывает, что административная преюдиция, заложенная в ст. 116.1 УК РФ, работает недостаточно эффективно из-за сложностей фиксации каждого эпизода и нежелания жертв инициировать административное производство, понимая, что штраф будет выплачиваться из совместного семейного бюджета [Литвинов, 2021, с. 354-355]. Это создает ситуацию безнаказанности, стимулирующую эскалацию насилия до более тяжких форм.

Анализ судебных решений свидетельствует о том, что квалификация действий виновного по ст. 117 УК РФ (истязание) вызывает значительные затруднения у следственных органов, несмотря на то, что именно эта норма призвана охватывать случаи систематического нанесения побоев. Проблема кроется в доказывании умысла именно на истязание, а не на совершение разрозненных актов насилия, возникших на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений. Суды нередко переqualифицируют обвинение с истязания на совокупность преступлений небольшой тяжести или вовсе на административные правонарушения, если не удастся доказать единый умысел на причинение физических или психических страданий путем систематического насилия [Шурпаев, Латышева, 2024, с. 134-140]. Такая практика фактически нивелирует защитный потенциал ст. 117 УК РФ в контексте домашнего насилия, сводя уголовно-правовую оценку к арифметическому сложению эпизодов, игнорируя качественную характеристику длящегося подавления личности.

Особого внимания заслуживает институт частного обвинения, к которому отнесены умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 ч. 1 УК РФ) и нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 ч. 1 УК РФ). Возложение бремени доказывания на потерпевшего, находящегося в зависимом положении от обвиняемого, противоречит принципам справедливости и гуманизма. Жертва домашнего насилия, часто испытывающая психологическую травму, финансовую зависимость и страх перед агрессором, вынуждена выполнять функции следователя и прокурора: собирать справки, искать свидетелей, выступать в суде. Отсутствие полноценной полицейской поддержки на этапе сбора доказательств по делам частного обвинения приводит к тому, что подавляющее большинство таких дел прекращается за примирением сторон, которое зачастую носит вынужденный характер, или вовсе не доходит до суда [Скакун, Сергеевков, Жулёв, 2024, с. 324-330]. Это свидетельствует о системном дефекте механизма защиты прав потерпевших в данной категории дел.

Существенной проблемой остается квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Для наступления ответственности требуется реальность угрозы, то есть наличие оснований опасаться ее осуществления. Однако в контексте семейно-бытовых отношений, где вербальная агрессия может быть перманентным фоном, суды часто скептически относятся к реальности угроз, если они не сопровождаются демонстрацией оружия или непосредственными действиями. При этом игнорируется ретроспективный анализ поведения агрессора и общая обстановка в семье. Криминологические исследования показывают, что многим убийствам в быту предшествовали многократные угрозы, которые правоохранительные органы расценивали как «семейные ссоры», не требующие вмешательства [Батюкова, 2022, с. 83-86]. Недооценка общественной опасности психического насилия, выраженного в угрозах, является одним из факторов, способствующих совершению особо тяжких преступлений против личности.

Важным аспектом является оценка состояния необходимой обороны при совершении преступлений жертвами длительного домашнего насилия. Судебная практика по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ) или причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), совершенных женщинами, защищавшимися от партнеров-аггессоров, демонстрирует обвинительный уклон. Суды редко признают наличие состояния необходимой обороны или ее превышения, если непосредственному акту обороны не предшествовало нападение, сопряженное с явной угрозой жизни в ту же секунду. Феномен «синдрома избитой женщины», когда жертва наносит упреждающий удар или действует в состоянии кумулятивного аффекта, пока не нашел должного отражения в российской доктрине и практике, хотя догматические предпосылки для учета психотравмирующей ситуации существуют в рамках институтов крайней необходимости и аффекта [Рощенко, 2021, с. 143-150].

Вопрос о криминализации экономического насилия как формы воздействия на личность в российском уголовном праве практически не разработан, хотя в зарубежных юрисдикциях это признается серьезным деликтом. Лишение средств к существованию, запрет на трудовую деятельность, тотальный контроль расходов — все это способы подавления воли, которые часто сопутствуют физическому насилию. В действующем УК РФ отсутствуют нормы, позволяющие квалифицировать такие действия как самостоятельное преступление, если они не сопряжены с вымогательством или неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Это создает пробел в охране личной свободы и достоинства граждан, позволяя агрессорам безнаказанно использовать материальную зависимость жертвы как инструмент удержания её в травмирующей ситуации [Семенцова, Федорова, 2023, с. 348-354].

Сложность представляет и применение ст. 107 УК РФ (Убийство, совершенное в состоянии аффекта) в делах о домашнем насилии. Законодатель требует наличия внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательствами или тяжким оскорблением. Однако длительная психотравмирующая ситуация, характерная для семейного абюза, часто приводит не к взрывному аффекту, а к состоянию эмоционального выгорания и отчаяния, которое не укладывается в классическую схему физиологического аффекта. Психолого-психиатрические экспертизы не всегда способны выявить специфику изменений психики жертвы систематического насилия, что влечет за собой квалификацию действий обороняющегося как умышленного убийства на почве личной неприязни. Необходимо расширение судебного толкования понятия психотравмирующей ситуации как основания для применения привилегированных составов.

Интерес представляет и проблема рецидива в контексте ст. 116.1 УК РФ. Постановление Конституционного Суда РФ, указавшее на необходимость корректировки законодательства в части ответственности лиц, имеющих судимость за насильственные преступления, подчеркнуло несовершенство конструкции административной преюдиции. Ситуация, когда лицо, имеющее непогашенную судимость за тяжкое преступление, при нанесении побоев вновь привлекается к административной, а не уголовной ответственности, нарушает принцип справедливости и общественной безопасности. Внесенные изменения частично устранили этот пробел, однако общая архитектура нормы остается сложной для применения и не обеспечивает неотвратимости наказания. Законодателю следует рассмотреть возможность отказа от административной преюдиции в пользу введения квалифицированных составов за насилие в отношении близких лиц [Шикула, Кандабарова, 2023, с. 504-509].

Анализ санкций, предусмотренных за преступления небольшой и средней тяжести против

личности, показывает их низкую превентивную роль. Назначение штрафов, обязательных или исправительных работ часто не достигает цели исправления осужденного, а в условиях совместного проживания с жертвой может провоцировать новые конфликты. Отсутствие в российском уголовном праве института охранных ордеров (судебных запретов на приближение), действующих как мера пресечения или иная мера уголовно-правового характера, существенно снижает эффективность защиты потерпевшего. Существующие меры пресечения, такие как запрет определенных действий, применяются крайне редко по делам о преступлениях небольшой тяжести, оставляя жертву один на один с преступником до вынесения приговора.

В доктрине высказывается мнение о целесообразности введения в УК РФ самостоятельного состава преступления «Домашнее насилие» или «Семейное насилие», который объединял бы различные формы физического и психического воздействия. Это позволило бы уйти от фрагментарности квалификации и учитывать системный характер деяния. Однако противники такого подхода указывают на сложность определения круга субъектов и риск избыточной криминализации семейных отношений. Тем не менее, текущая практика дробления единого процесса насилия на отдельные эпизоды побоев, угроз и легкого вреда здоровью не отражает реальной степени общественной опасности личности преступника и совершаемых им деяний [Генералов, Пантюхина, Петрунина, Судьин, 2023, с. 42-48]. Требуется выработка единого подхода к оценке систематичности и направленности умысла.

Криминологическая характеристика лиц, совершающих насильственные преступления в семье, свидетельствует о высокой степени алкоголизации данного контингента. Состояние опьянения, являясь отягчающим обстоятельством (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ), часто выступает катализатором агрессии. Вместе с тем, меры медицинского характера, направленные на лечение алкоголизма, применяются судами недостаточно активно. Принудительное лечение может быть назначено только при наличии соответствующих медицинских заключений и часто игнорируется как мера уголовно-правового воздействия, хотя устранение детерминанты преступного поведения является залогом предупреждения рецидива. Необходима более тесная интеграция наркологической помощи в систему исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Значительную роль в латентности данных преступлений играет несовершенство межведомственного взаимодействия. Медицинские учреждения, фиксирующие телесные повреждения, передают информацию в полицию, однако при отказе потерпевшего от заявления проверка часто заканчивается вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Отсутствие публичного обвинения по ст. 115 ч. 1 и 116.1 УК РФ связывает руки правоохранительным органам, даже когда очевидна опасность ситуации. Введение публичного порядка уголовного преследования по всем фактам насилия в семье, независимо от тяжести вреда здоровью, обсуждается в научном сообществе как необходимая мера, способная переломить ситуацию с латентностью и защитить тех, кто в силу страха не может заявить о преступлении [Лопунова, 2025, с. 165-169].

Влияние цифровизации на сферу домашнего насилия также требует правовой оценки. Киберсталкинг, контроль переписки, публикация интимных фотоматериалов становятся новыми орудиями давления на жертву. Действующие нормы о нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) и тайны переписки (ст. 138 УК РФ) применяются в основном изолированно, вне контекста домашнего насилия. Необходимо рассматривать кибернасилие как часть объективной стороны истязания или угрозы убийством, если оно направлено на

подавление воли потерпевшего и причинение ему психических страданий. Судебная практика пока находится в стадии формирования подходов к квалификации таких деяний, часто не усматривая в них состава преступления.

Проблема примирения сторон (ст. 76 УК РФ) в делах о домашнем насилии имеет двойственную природу. С одной стороны, это гуманный инструмент разрешения конфликта, с другой — способ ухода агрессора от ответственности под давлением на жертву. Суды обязаны проверять добровольность примирения, однако на практике это часто сводится к формальному заявлению потерпевшего. Исследователи отмечают высокий уровень повторных преступлений после прекращения дел за примирением сторон в семейно-бытовой сфере. Предлагается ограничить возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон в случаях, когда насилие носило систематический характер или совершено в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии [Румянцева, 2023, с. 112-119].

Вопросы виктимологической профилактики тесно связаны с правовым просвещением. Нередко потерпевшие не осознают преступного характера действий партнера, воспринимая их как норму или «судьбу». Правовая неосведомленность, помноженная на недоверие к правоохранительной системе, создает барьер для обращения за защитой. Эффективность уголовно-правовых норм напрямую зависит от готовности общества их применять. Поэтому совершенствование законодательства должно сопровождаться созданием инфраструктуры помощи (кризисные центры, юридическая поддержка) и изменением вектора работы правоохранительных органов с обвинительного на правозащитный в отношении жертв.

Таким образом, анализ правоприменения выявляет системный дефицит защитных механизмов. Составы преступлений, призванные охранять личность, функционируют в режиме реагирования на уже случившийся факт, часто игнорируя предысторию и контекст. Отсутствие в УК РФ дефиниции, позволяющей отграничить семейный конфликт от преступного посягательства на личность с использованием зависимого положения жертвы, оставляет широкий простор для судебного усмотрения, которое не всегда складывается в пользу потерпевшего. Догматические конструкции вины и соучастия требуют адаптации к реалиям семейного насилия, где роли могут меняться, а психологическое давление может быть опаснее физического.

Заключение

Глубинный анализ нормативной базы и материалов судебной практики позволяет констатировать наличие существенного дисбаланса между декларируемыми государством гарантиями защиты личности и реальными возможностями уголовно-правового инструментария в сфере противодействия домашнему насилию. Действующая модель, опирающаяся на институты частного обвинения и административной преюдиции, демонстрирует низкую эффективность в превенции систематических посягательств на жизнь и здоровье членов семьи. Правовая система сталкивается с вызовом, требующим перехода от формальной квалификации отдельных актов насилия к комплексной оценке ситуации длительного психофизического террора, характерного для семейно-бытовых конфликтов.

Очевидна необходимость пересмотра процессуального статуса дел о причинении легкого вреда здоровью и побоях, совершенных в отношении близких лиц. Перевод данных составов в категорию дел частного-публичного или публичного обвинения позволил бы снять с потерпевших

непосильное бремя доказывания и обеспечил бы неотвратимость наказания независимо от волеизъявления жертвы, находящейся под давлением. Такой шаг не только повысил бы раскрываемость, но и послужил бы мощным сигналом о недопустимости насилия в частной сфере, разрушая стереотип о «внутреннем деле» семьи. Государство должно взять на себя инициативу в преследовании агрессоров, обеспечивая тем самым реализацию конституционного права граждан на личную неприкосновенность.

Перспективы совершенствования законодательства видятся также во внедрении в уголовный закон специальных квалифицирующих признаков, отражающих совершение преступления в отношении члена семьи или сожителя. Это позволило бы дифференцировать ответственность и применять более строгие санкции к лицам, злоупотребляющим доверием и зависимостью близких. Кроме того, критически важным представляется развитие института иных мер уголовно-правового характера, в частности, введение механизма судебных запретов на приближение и контакты с потерпевшим, что могло бы стать действенным инструментом предотвращения рецидива и эскалации насилия до тяжких последствий.

Развитие уголовно-правовой доктрины в данном направлении требует отказа от фрагментарного восприятия преступлений против личности и признания специфической общественной опасности домашнего насилия как явления. Дальнейшая работа законодателя и правоприменителя должна быть направлена на создание целостной системы защиты, где уголовная репрессия гармонично сочетается с мерами профилактики и социальной реабилитации, обеспечивая реальную, а не декларативную безопасность граждан в их собственных домах.

Библиография

1. Абазов Т. Ю., Леонтьева А. А. Домашнее насилие в контексте уголовной и административной правовой политики // Юридическая мысль. 2024. № 2 (134). С. 140–148.
2. Батюкова В. Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Современное право. 2022. № 2. С. 83–86.
3. Генералов Н. С., Пантюхина И. В., Петрунина В. В., Судьин Н. С. Уголовно-правовая оценка домашнего насилия // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2023. № 4 (38). С. 42–48.
4. Литвинов Р. В. Домашнее насилие и его профилактика // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 354–355.
5. Лопунова А. В. Формирование делинквентного поведения у несовершеннолетних в семье // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 2. С. 165–169.
6. Пашенко Е. А., Сарибекян А. Г. Уголовно-политическая вариативность в противодействии домашнему насилию // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 162–167.
7. Рощенко С. В. Феномен жертвы домашнего насилия // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 3. С. 143–150.
8. Румянцева Ю. Н. Уголовно-правовая защита жертв домашнего насилия: дифференциация ответственности в зависимости от субъектного состава // Пролог: журнал о праве. 2023. № 3 (39). С. 112–119.
9. Семенцова И. А., Федорова Е. А. Уголовно-правовая защита от семейного насилия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 348–354.
10. Сироткина А. А. Правовая защита жертв домашнего насилия // Диалог. 2025. № 1 (31). С. 43–44.
11. Скаун А. А., Сергеев С. Н., Жулёв С. К. Уголовно-правовые аспекты противодействия семейному (домашнему) насилию // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2024. Т. 2. № 1. С. 324–330.
12. Ходусов А. А. Уголовно-правовые средства противодействия домашнему насилию // Мир Закона. 2024. № 9-10 (269-270). С. 97–103.
13. Шидула И. Р., Кандабарова Т. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой защиты женщин от домашнего насилия // Образование и право. 2023. № 11. С. 504–509.

14. Шурпаев Ш. М., Латышева Е. В. Направления совершенствования законодательного регулирования побоев в свете противодействия семейно-бытовому насилию // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 2 (41). С. 134–140.

Crimes Against the Person in the Context of Rising Domestic Violence and Issues of Improving Criminal Law Mechanisms for Victim Protection

Andrei Yu. Popov

Lecturer,
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Far Eastern Branch),
680000, 74, Turgeneva str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: andreypopov875@mail.ru

Abstract

The article examines the transformation of criminal law protection of the person in the context of rising domestic violence and identifies the reasons for the insufficient effectiveness of existing victim protection mechanisms. It is shown that the latent nature of offenses and the victim's dependence on the aggressor lead to delayed state response and a shift of protection to the stage of serious consequences occurring. The problematic effects of the decriminalization of primary battery and the application of administrative prejudice are revealed: recording individual episodes does not reflect the cumulative nature of victimization, and monetary penalties within the family lose their preventive potential. Difficulties in qualifying torture, threats of murder, and cases of harm in the context of necessary defense under prolonged abuse are analyzed, including the limitations of traditional criteria of "suddenness" for psychotraumatic states. It is argued that the institution of private prosecution and the practice of discontinuing cases due to reconciliation intensify secondary victimization and stimulate recidivism. Separate attention is paid to gaps in assessing economic and digital violence, as well as the lack of restrictive measures capable of severing the "aggressor-victim" contact before escalation. Directions for adjusting qualifying features, prosecution procedures, and preventive measures are formulated.

For citation

Popov A.Yu. (2025) *Prestupleniya protiv lichnosti v usloviyakh rosta domashnego nasiliya i voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovykh mekhanizmov zashchity poterpevshikh* [Crimes Against the Person in the Context of Rising Domestic Violence and Issues of Improving Criminal Law Mechanisms for Victim Protection]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 318-327. DOI: 10.34670/AR.2026.15.60.035

Keywords

Domestic violence, crimes against the person, criminal law protection of victims, administrative prejudice, victimization, torture, private prosecution, victimological prevention.

References

1. Abazov, T. Yu., & Leont'eva, A. A. (2024). Domashnee nasilie v kontekste ugolovnoi i administrativnoi pravovoi politiki [Domestic violence in the context of criminal and administrative legal policy]. *Iuridicheskaya mysl'*, 2(134), 140–148.

2. Batiukova, V. E. (2022). Protivodeistvie domashnemu nasiliu ugovolno-pravovymi sredstvami [Counteracting domestic violence by criminal law means]. *Sovremennoe pravo*, 2, 83–86.
3. Generalov, N. S., Pantiukhina, I. V., Petrunina, V. V., & Sud'in, N. S. (2023). Ugolovno-pravovaia otsenka domashnego nasiliia [Criminal law assessment of domestic violence]. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaia Grigor'evicha Stoletovykh. Serii: Iuridicheskie nauki*, 4(38), 42–48.
4. Khodusev, A. A. (2024). Ugolovno-pravovye sredstva protivodeistviia domashnemu nasiliu [Criminal law means of counteracting domestic violence]. *Mir Zakona*, 9-10(269-270), 97–103.
5. Litvinov, R. V. (2021). Domashnee nasilie i ego profilaktika [Domestic violence and its prevention]. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2(153), 354–355.
6. Lopunova, A. V. (2025) Formirovanie delinkventnogo povedeniia u nesovershennoletnikh v seme [Formation of delinquent behavior among minors in the family]. *Voprosy prirodnopol'zovaniia*, 4(2), 165–169.
7. Pashchenko, E.A., & Saribekian, A. G. (2021). Ugolovno-politicheskaia variabel'nost' v protivodeistvii domashnemu nasiliu [Criminal-political variability in counteracting domestic violence]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik*, 3, 162–167.
8. Roshchenko, S. V. (2021). Fenomen zhertvy domashnego nasiliia [The phenomenon of the victim of domestic violence]. *Soiuz kriminalistov i kriminologov*, 3, 143–150.
9. Rumiantseva, Iu. N. (2023). Ugolovno-pravovaia zashchita zhertv domashnego nasiliia: differentsiatsiia otvetstvennosti v zavisimosti ot sub"ektnogo sostava [Criminal law protection of victims of domestic violence: Differentiation of liability depending on the subject composition]. *Prolog: zhurnal o prave*, 3(39), 112–119.
10. Sementsova, I. A., & Fedorova, E.A. (2023). Ugolovno-pravovaia zashchita ot semeino-go nasiliia [Criminal law protection against family violence]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki*, 9(75)(1), 348–354.
11. Sirotkina, A. A. (2025) Pravovaia zashchita zhertv domashnego nasiliia [Legal protection of victims of domestic violence]. *Dialog*, 1(31), 43–44.
12. Skakun, A. A., Sergeenkov, S. N., & Zhulev, S. K. (2024). Ugolovno-pravovye aspekty protivodeistviia semeino-mu (domashnemu) nasiliu [Criminal law aspects of counteracting family (domestic) violence]. *Nedelia nauki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo morskogo tekhnicheskogo universiteta*, 2(1), 324–330.
13. Shikula, I. R., & Kandabarova, T. S. (2023). Aktual'nye problemy ugovolno-pravovoi zashchity zhenshchin ot domashnego nasiliia [Current issues of criminal law protection of women from domestic violence]. *Obrazovanie i pravo*, 11, 504–509.
14. Shurpaev, Sh. M., & Latysheva, E. V. (2024). Napravleniia sovershenstvovaniia zakonodatel'nogo regulirovaniia poboev v svete protivodeistviia semeino-bytovomu nasiliu [Directions for improving legislative regulation of battery in the context of counteracting family and household violence]. *Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika*, 2(41), 134–140.